

Три и да

обреченных

Ли́ка Я́нич

Триа́да обреченных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29806454

SelfPub; 2018

Аннотация

Как рассказать о книге без сюжета? Сентенциями типа "глубокое осмысление", "страстная исповедь"? Но я бы не открыла текст, анонсированный подобной лабудой, поэтому так – эта вещица про вас. Не верите? Вам кажется, что вы заняты чем-то непонятным, а жизнь уходит? Вы с головой окунаетесь в грезы, не замечая близких? У вас не хватает времени на самое важное? Значит, это о вас, даже если вы не согласитесь с трактовкой. Да, и надо сказать, чего в книжке нет. Ее не стоит читать тем, кто во всём ищет виноватых. Ни бог, ни судьба, ни власти, ни окружающие – сами выбрали путь, сами и живем, как можем. И ждать хэппи-энда тоже не стоит – см. название.

Содержание

Секвенция[1] игры	4
Сказка об одиночестве	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Секвенция¹ игры

*– Что козырь? – Черви – мне ходить,
Я бью, нельзя ли погодить?
– Беру... Кругом нас обыграла,
Эй, смерть, ты, право, сплутовала...
– Молчи, ты глуп и молоденок,
Уж не тебе меня ловить,
Ведь мы играем не из денег —
Чтоб только вечность проводить.*

А. С. Пушкин.

Интересно, если жизнь – это игра, то стоит ли она свеч? И чем мы рискуем, когда делаем ставки? И если победителей не судят, то как их определяют? И кто отмеряет меру одиночества? Или мы сами заключаем себя в стеклянный шар отвержения, выдыхая в окружающий мир пары высокомерия, равнодушия и снобизма? И почему нам не хватает времени для самого главного? Не оттого ли, что мы пытаемся его подчинить, не представляя даже, как жить с ним в гармонии? И когда всё это закончится?

А я снова пишу тебе. О многом надо поговорить. Чтобы

¹ Секвенция – (лат. sequentia) – муз. 1) повторение какого-либо мотива на различных ступенях восходящей или нисходящей гаммы; 2) разновидность средневековых католических песнопений.

рассказать обо всём, вряд ли хватит жизни.

Но твоё обычное агрегатное состояние – отсутствие. А письмо, даже электронное, позволяет не только найти нужные слова – тем более что при встречах с тобой я безнадёжно тупею – но и додумать твои реплики и ответы. Такая вот виртуальная содержательная беседа, игра в понимание и единение, игра в поверженное одиночество.

Кстати, об игре... Я однажды сказала, что многие политики – кем-то написанные, отрежессированные и сыгранные актёрами роли, чаще всего, гротескные. Ты ответил, что это относится к любому представителю нашего истеблишмента. Как будто кто-то создаёт хлёсткую пародию на деятельность властей всех рангов и мастей. Да и вообще, в эпоху тотального технического прогресса стало невероятно просто следить за всеми, манипулировать и направлять, дёргая за подходящие ниточки – добавил ты.

И я всё чаще задумываюсь над тем, что вокруг настоящее, идущее от живых потребностей и желаний, от естественных законов развития, а что является продуктом чьего-то прихотливого замысла и есть только оффлайновая роль-плейинг, многопользовательская сложносочинённая стратегия, мегауровневая киберпространственная заморочка. И нахожу в окружающей действительности всё больше примет глобального розыгрыша.

Все играют – на работе и дома, в городах и весях, в окру-

жении толпы и наедине с собой, едва покинув пелёнки и на краю собственной могилы. Игра стала альфой и омегой существования, несомненным мерилom ценности каждого в ополоумевшем, заигранном, как пластинка мире.

В детстве играть и весело, и страшно, и любопытно, и трагично, иногда немного грустно, но чаще светло и радостно. А во взрослом, умудренном, по мнению многих, возрасте приходит время угара и похмелья от бесконечных кружений уровней, от непрерывной карусели абсурдных образов. Яростная боль обживаетcя в перегретом мозгу, воспаленные глаза привыкают к пронзительной рези, тело сводит от запрограммированных поз, и сухо-сухо во рту. Но остановиться невозможно, и всё громче звучит в ушах: «The Show Must Go On».

Время мелькает быстрее и быстрее, делается тягучим и сверхплотным. События недельной давности видятся отодвинутыми в далёкое прошлое, а газеты десятилетней выдержки кажутся диковинной хроникой канувших эпох.

Фрагменты реальности превращаются в компоненты игрового процесса, а окружающие люди – в хорошо или не очень хорошо воплощённых персонажей иллюзорного действия. Мы и на миг не в силах оторваться от Игры, мы становимся её частью, поскольку только в ней можем что-то изменить, на что-то повлиять. Жизнь давно научилась обходиться без нас, без каждого в отдельности, без того, что когда-то называли волей индивида. Это понятие нивелирова-

лось, приблизилось по значению к абсолютному нулю. Мы играем потому, что разучились жить, и умение это вряд ли вернется.

Разве что в результате какой-нибудь глобальной катастрофы люди станут перед необходимостью возвратиться к истокам, к умению слушать и понимать природу и брать у неё то, что жизненно значимо, к отношениям, замешанным на истинных связях и чувствах, к переоценке сущего. Но выход этот кажется излишне жёстким даже мне, весьма невысоко оценивающей и род людской, и перспективы его существования. Да я и не пытаюсь поставить диагноз или выписать рецепт, я просто слежу за ходом болезни, наблюдаю клиническую картину. И если она покажется кому-то неоправданно мрачной – я не специалист.

Да и может ли быть въяе специалист в этой области? Разве тот, кто запустил всепланетную забаву. «Глоуб-игру замутил извращенец»... Как же он изобретателен! За его большой фантазией не угнаться могущественным корпорациям, многими сотнями поставляющим новые и новые игрушки прямиком в наши компы и головы.

Но когда это началось, когда человечество оказалось вовлечённым в нескончаемое представление? Не в момент ли появления первого человека на Земле? А каким путём это произошло – спустился ли он с пальмы, попутно поумнев и став основателем нового биологического вида, или десан-

тировался на опьянённую собственной дикой красотой планету с корабля миссионеров-пришельцев, или был слеплен из подходящего подручного материала – он и сам толком не знал. Не будем и мы спорить о вещах, о которых никогда не договоримся.

Наверно, в самый миг осознания себя существом малость мыслящим и слегка самостоятельным человек понял, что окружающая действительность – не самое удобное и комфортное место для него. И тогда он начал придумывать другую реальность, такую, где он сильнее, умнее, могущественнее, счастливее, чёрт возьми! С тех пор он так и играет, забывая, что надо хоть иногда пробегать глазами правила, вчитываться в условия, особенно написанные мелким шрифтом, быть чуточку внимательнее и осторожнее. Земной шар не очень приспособленная для игр площадка. «И нужно обняться, чтоб вниз не сорваться, а если сорваться – то только вдвоём»...

Сейчас возможностей для игр больше, они стали изощрённее, забористее, вездесущее. Во сне и наяву, прикольные и ужасающие, безобидные и жестокие, но все опасные – ведь любая игра несёт возможность проигрыша. А иначе это и не игра вовсе, а так – забава, досуг, отдых. Игра же щекочет нервы, поднимает до критических значений адреналин, связывает в узел сердце, нагревает до уровня конденсации мозг, она и душу делает безвольной заложницей, дышащей в такт её перепадам и поворотам. И никто не знает, выиграл он

или проиграл – порой и после полного завершения – разве тот, кто запустил игрушку или просто находится на верхнем уровне.

И мы играем, и у нас давным-давно нет выбора. Играют умиротворённые бомжи и нервные олигархи, бездарные знаменитости и пафосные работяги, пьяные водители и одуревшие от безнаказанности полицейские. Участвуют в игре вороватые судьи и трусливые военные, недовольные мужья и неверные жены, ничему не научившиеся старики и ни во что не верящие дети. Спешат засветиться в ней лицемерные служители господа и нелепые правители государств, делающие вид, что на полном серьёзе произносят речи для жизне-радостных дебилов и доверяют тем, кто и не пытается притворяться честным. Они, наши так называемые вожди, сами лишь марионетки, они безмолвно стоят перед чьими-то закрытыми дверями, судорожно готовясь к очередному отчёту и возможной суровой каре.

А, может, мы все отпущены на короткий срок поиграть в песочнице? Время от времени сверху раздаётся призывный голос, и тот, чье имя прозвучало, тут же исчезает, забывая и об игрушках, и о тех, с кем лишь сейчас веселился или ссорился. Но почему-то хочется в последний миг, покидая площадку, оглянувшись, увидеть глаза того, кто не забудет о тебе в ту же секунду, кого с тобой связывали не только общие ведёрки, совочки, забавы. И вдруг с нездешней ясностью по-

нять, что всё было не зря, что жизнь не такая бессмысленная штука, какой представлялась.

А кто там сверху? Вероятно, святое семейство в сумрачной комнате со стрельчатыми окнами. Высокие, стройные, в белых одеждах, они почти без слов склонились над огромной картой и вносят изменения с помощью стрелок, кружочков, флажков. Или развеселая компания собралась под пузырек с немыслимым для нас количеством градусов раскинуть мегапасьянс, расписать партейку, другую в галактический покер. Возможно, сборище трясущихся от алчности торговцев делит барыши и подсчитывает дивиденды. Но, скорее всего, на самом верхнем уровне – расшалившийся малыш, тайком пробравшийся в кабинет отца. Несмотря на запрет, смело нажимает он на кнопки и дёргает за мышку, заливаясь смехом, наблюдает за броуновским движением бесчисленных крошечных фигурок, за непрерывно мелькающими разноцветными картинками.

Мы играем, мы кричим, задыхаясь, друг другу: «Я в игре!» потому, что нет ничего страшнее для нас, чем оказаться вне ее. Если так случится, станут очевидными надуманность, бессмысленность, фальшь окружающего, непереносимый абсурд происходящего. Мысль, что всё на свете – ложь, обманка, перевёртыш, заставит кричать от боли и стыда, и даже спасительный образ собственной смерти не принесёт утешения.

Захочется любым способом остановить игру, выдернуть стоп-кран, нажать на «off»...

Но нам это не по силам, и мы играем. Вот уж действительно – главное не победа, а участие. Победы нет – она тысячелетия назад обронила голову в полёте и теперь мечется между нами курицей с отрубленной башкой. Она манит чудесным оперением надежды издалека и внушает отчаяние и отвращение вблизи, разбрызгивая яркую кровь детских мечтаний и раскидывая грязный пух осторожных планов. Выигрыш невозможен, джек-пот сгорел, никому на этом свете не стать самим собой. Так играем – у нас нет другого выхода. Я в игре – а ты?

Сказка об одиночестве

*В киевском зоопарке от тоски и одиночества
сходит с ума слонёнок.*

Из сообщений информагентств

9 июля 2013 года.

Я знаю, что наша так называемая переписка всё больше напоминает действия человека, попавшего на необитаемый остров и день за днём с маниакальной настойчивостью бросающего в море бутылку с посланием. Он и сам давно понимает бессмысленность своих действий, но снова и снова повторяет глупый ритуал...

На самом деле, остров не совсем необитаемый, вернее, очень даже обитаемый. Множество аборигенов проживают в тропических зарослях и на песчаном пляже. Они и не дикари вовсе, эти туземцы – адекватные милые люди – но они другие, вернее, это Человек не такой, как все. Он не помнит, как попал на Остров, его память не сберегла и крошечных фрагментов иного существования. Да и было ли оно? А если было – то где и когда? Может, в прошлой жизни?

Ведь Человек знает, что детство его прошло здесь, и родители у него когда-то были, вполне обычные обитатели Острова, но они давно умерли, очень давно. Но даже на заре жизни он понимал, что он чужак. Человек не был изгоем – его

никто не гнобил и не изгонял, но всё же он всегда чувствовал, что к нему относятся по-особому, с лёгкой долей опаски и пренебрежения. Обычно так обращаются с теми, кто страдает от незаразной и неопасной, но неприятной хвори или к понаехавшим инородцам, проживающим рядом с истинными хозяевами данной территории.

Позже он и сам стал ощущать тягостное беспокойство от общения с окружающими. В пору юности он списывал это на дурной характер и странные замашки, да и время было слишком ярким, наполненным важными событиями и волнующими впечатлениями, чтобы заморачиваться на туманных переживаниях. Он даже семьёй тогда с дури обзавёлся. Но с годами его обособленность и непохожесть стали заметны всем, а не только ему самому, и их уже нельзя было объяснить никакими заходами, заскоками и крышетёками. Человек был пришельцем, чужим и непонятным, и это не могло не повлиять на его судьбу.

Семейная жизнь у него не сложилась, добиться положения в обществе он не сумел – не потому, что ему не хватило способностей стать успешным – наоборот. Человек обладал уймой разнообразных талантов, ему многое давалось легко, слишком легко – как думали некоторые. Но ему казалось нестерпимо скучно и невероятно глупо тратить жизнь на ерунду, которой вдохновенно занимались его счастливые соплеменники.

Он не понимал, зачем целыми днями гоняться за бедными

животными и без устали убивать их, когда для пропитания с избытком хватило бы ягод и плодов, растущих на острове в великом изобилии. Он недоумевал, зачем окружающие тратят лучшие годы на то, чтобы срубить самые толстые деревья, потом построить самую большую хижину, а после обнести её самым высоким забором. И еще нелепее ему казалось то, что всю оставшуюся жизнь они проводят, выстругивая, вывязывая и вылепливая хренотень, предназначенную лишь для захламления жилища, в котором в итоге не остается места для людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.